

ЖАТВЫ ВОЙНЫ: РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И РОССИЙСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ В УКРАИНУ

НИКОЛАЙ МИТРОХИН

Научный сотрудник Центра по изучению
Восточной Европы при Бременском университете

Позиция Русской православной церкви в отношении российско-украинской войны в публичном восприятии фактически приравнена к позиции патриарха Кирилла. Однако за рамками подобного восприятия остается позиция собственно огромной церкви, являющейся крупнейшей не только религиозной, но и общественной организацией в целом ряде постсоветских стран. Какова эта позиция на самом деле, насколько РПЦ поддерживает войну и является ли русская церковь в целом пропагандистской машиной российских властей, как это часто принято считать? Какие процессы вызвала война внутри самой РПЦ?

Эти вопросы стали предметом углубленного исследования в работе Николая Митрохина (Центр по изучению Восточной Европы при Бременском университете), позволяющей преодолеть штампы и упрощения и понять социальную и идеиную динамику происходящих процессов, характер влияния церкви на эти процессы и влияния разворачивающихся событий на саму церковь.

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ И ВЫВОДЫ

Позиция Русской православной церкви отождествляется в общественном мнении с позицией патриарха Кирилла, который, безусловно, входит в ближний круг идеологической обслуги Путина и лично разделяет имперски-антизападнический нарратив, продвигаемый сегодня в качестве официальной идеологии и обоснования вторжения в Украину. В то же время реальные стратегии самого патриарха являются попыткой найти компромисс между необходимостью и личной склонностью поддержать путинское вторжение и стремлением минимизировать ущерб, который оно наносит позициям РПЦ в православном мире.

Отношение к войне большинства иерархов РПЦ в еще большей степени определяется этим компромиссом между политической лояльностью и приверженностью институциональным интересам РПЦ. Однако такое лавирование не смогло предотвратить ни вызванного войной разрушения ряда церковных институтов, ни отпадения ряда автономных церквей от Московской патриархии. Даже полученные ею в ответ на лояльность «дары войны» — значительные денежные средства и «Троица» Андрея Рублева — не способны компенсировать этого урона. Принуждение РПЦ Московской патриархии к соучастию в «имперском» проекте Путина парадоксальным образом создает для нее перспективу утраты «вселенского» характера и влияния и «сужения» до границ путинской политической империи.

При этом и в епископате, и среди актива церкви, и среди прихожан можно обнаружить примерно тот же спектр отношения к войне, который существует в обществе в целом: от активного военного энтузиазма до активного неприятия. Однако для большей части этого социального мира личное отношение к войне осложнено беспокойством по поводу провоцируемых ею расколов и угроз единству православия, что определяет скорее неодобрительное, хотя и вынужденно лояльное (на территории России и Беларусь) отношение к ней. Впрочем, эти угрозы могут ассоциироваться как с войной и действиями путинской администрации, так и с ответным политическим давлением на православную церковь со стороны национальных правительств в Восточной Европе.

Вторжение в Украину и принуждение Московской патриархии к активной поддержке и пропаганде нанесли РПЦ больший удар, чем распад СССР, который она сумела не только пережить, но после которого смогла даже укрепить свое положение в православном мире, став на какое-то время институтом российской «мягкой силы». Этот результат выглядит тем более парадоксальным, что реальное влияние церкви за пределами собственно церковного сообщества выглядит явно преувеличенным в представлениях как медиа, так и политического класса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПАТРИАРХ КИРИЛЛ И ВОЙНА В УКРАИНЕ

Патриарх Кирилл как политик

Как уже было сказано, в публичном поле позиция церкви в значительной мере идентифицируется с позицией патриарха, которая, в свою очередь, выглядит для либеральных СМИ и общественности примерно следующим образом: «Война ведется Россией за „русский мир“; патриарх Кирилл является автором идеи „русского мира“, он же благословил войну и молится за российскую армию и Путина». В этой схеме встречаются недосказанности — является ли Кирилл исполнителем воли Путина или, наоборот, подарил ему идею, — но картина в целом такова.

Безусловно, патриарх Кирилл — один из членов путинской идеологической обслуги, выступающей с националистических и имперских позиций. Вместе с митрополитом Крымским Тихоном (Шевкуновым), кинорежиссером Никитой Михалковым, экономистом Сергеем Глазьевым и целым рядом фигур второго эшелона он образует русско-националистическую и проимперскую фракцию среди тех 200–300 человек, с которыми Путин не один раз общался лично и по своей инициативе. Они являются сторонниками возрождения «Российской империи», которая должна сочетать в себе лучшее из дореволюционного имперского и советского опыта, настаивают, что Россия всегда была жертвой недобросовестной конкуренции со стороны Запада, аргументируя этим право России на активную оборону в пределах постсоветского пространства. В отношении Украины они высказывались в духе «единства» русского и украинского народов, отсутствия различия между ними и, исходя из этого, — исторической необоснованности «украинской идеи». В последние годы сам Путин неоднократно воспроизводил эти тезисы.

В январе 2014 года патриарх Кирилл принял непосредственное участие в подготовке аннексии Крыма, направив в Киев и Крым делегацию с «дарами волхвов» — святыней для поклонения. «Дары волхвов» на самом деле оказались «дарами данайцев», поскольку их охрану осуществлял будущий глава пророссийских боевиков в Крыму и на Донбассе, полковник ФСБ Игорь Гиркин (Стрелков). Он использовал эту поездку для рекогносировки на местности, а прилетевшие с делегацией российские политики третьего эшелона вели в Крыму переговоры с будущим руководителем колаборационистского правительства региона Сергеем Аксеновым и пророссийскими депутатами и чиновниками, формируя будущие органы власти.

При этом РПЦ приняла во вторжении России в Украину в 2014–2015 годах и его оправдании гораздо меньшее участие, нежели ей впоследствии приписывалось. Священный синод РПЦ не принимал никаких документов, оправдывающих агрессию и аннексию Крыма, а патриарх — единственный из высшего круга российского государственного истеблишмента — не принял участие в торжественном акте присоединения Крыма в Кремле. В Крыму сохранилась митрополия, подчиняющаяся

руководству Украинской православной церкви (УПЦ) в Киеве, которую не стали переподчинять Москве. До июня 2022 года новые епископы этой митрополии рукополагались в Киеве, а не в Крыму или Москве. Так что, по сути, в 2014–2022 годах УПЦ была единственной крупной легально действующей украинской организацией на полуострове, пусть ее существование и было обусловлено тактическими соображениями, о которых мы поговорим далее.

Вопреки распространенным мнениям и украинской пропаганде, среди духовенства УПЦ лишь незначительное меньшинство активно поддержало аннексию и войну на Донбассе. На 2018 год база украинских активистов «Миротворец» насчитывала всего около 30 таких лиц из примерно трех тысяч священников, служивших на начало 2014 года в Крыму, на Донбассе и в кризисных регионах южной Украины. Это заведомо меньшая доля, чем число находившихся в этих регионах и поддержавших вторжение или оказавшихся активными коллаборационистами чиновников, военных, сотрудников спецслужб и правоохранительных органов, врачей, учителей, преподавателей вузов и прочих сопоставимых профессиональных категорий.

Также вопреки распространенному мнению, патриарх Кирилл не является ни автором, ни лоббистом идеи «русского мира», оправдывающей агрессию России. Риторика «русского мира» не была его изобретением, а бродила в российской политической элите с конца 1990-х годов [с подачи политтехнолога Петра Щедровицкого](#), продвигавшего ее в совсем иных, культурологических целях. Сам патриарх активно использовал словосочетание «русский мир» в 2013–2016 годах в основном в связи с продвижением совместных проектов патриархии и Фонда «Русский мир». Однако потом практически исключил его из своего лексикона, что можно проверить по корпусу его [речей на сайте Московской патриархии](#).

В РПЦ термин «русский мир» изредка используется в названиях конкурсов и программ епархиального уровня, однако ничем не выделяется среди иных светских этнических и политически окрашенных терминов, используемых в тех же целях на всех уровнях церковного образования и социальной работы. На практике он может обозначать и вполне невинные программы по воспитанию детей и подростков в патриотическом духе, и реальную пропаганду милитаризма, имперализма и русского национализма. Но сами по себе идея и терминология «русского мира» не входят в круг популярных церковных нарративов.

Следует также отметить, что обоснование агрессии против Украины в феврале 2022 года в устах Владимира Путина не содержало никаких упоминаний о «русском мире». В двух его речах защита русскоязычных и православных находилась далеко позади тезисов о военной опасности со стороны Украины и НАТО. И на самом деле аргумент о защите населения Донбасса от якобы имевшего место украинского «террора» полностью вытеснил идею «единства» российского, украинского и белорусского народов, которое подчеркивала идеология «русского мира» середины 2010-х. В российской пропаганде, кстати, в этот момент (в отличие от 2014 года) термин также использовался крайне редко.

«Дарованная Богом общность»: начало полномасштабного вторжения

В украинской и западной прессе можно встретить утверждение, что патриарх «благословил войну». Это не так. Благословение — достаточно формальный религиозный акт, совершаемый либо в письменном, либо в визуально значимом виде. Например, в журнале заседания Священного синода РПЦ 22 декабря 2022 года присутствует следующий [пассаж из отчета патриарха](#) перед Синодом: «После богослужения Святейший Патриарх Кирилл пообщался с участниками архангельской команды по хоккею с мячом „Водник“ и, в ответ на их просьбу, преподал им благословение перед началом чемпионата России». Но невозможно найти никакого документа или зафиксированного на видео/фото церковного события, где патриарх совершает акт благословения «СВО».

В действительности позиция патриарха в начале войны выглядела крайне двусмысленно. 12 февраля, еще до объявления Путиным решений о «защите Донбасса» и даже до обращения глав самопровозглашенных ЛНР и ДНР о признании республик, на сайте патриархии появилась [страница информации о звонке](#) Кирилла митрополиту Донецкому Иллариону (Шукало). Глава РПЦ (согласно поиску на том же сайте) делал прямые звонки епископам крайне редко и только в чрезвычайных случаях (например, накануне объединения Архиепископии русских церквей в Европе с РПЦ). Более того, этот звонок был сделан «через голову» митрополита Онуфрия, которому подчиняется Илларион. С учетом дальнейших событий и того факта, что Илларион должен был (по мысли президента Украины Януковича) возглавить УПЦ в случае смерти ее предыдущего главы митрополита Владимира (Сабодана), этот звонок явно не был случаен.

Хотя в речи от 23 февраля Путин упомянул преследования УПЦ и дискриминирующие ее украинские законы, принятые в 2019 году, как один из ярких примеров дискриминации «русских» «нацистским режимом» в Украине, руководство РПЦ ни подтвердило, ни опровергло этот тезис, когда выступало по поводу начавшейся войны. 24 февраля, в первый ее день, патриарх сделал [достаточно двусмысленное заявление](#): «С глубокой и сердечной болью воспринимаю страдания людей, вызванные происходящими событиями... Призываю все стороны конфликта сделать все возможное, чтобы избежать жертв среди мирных жителей. Обращаясь к архиереям, пастырям, монашествующим и мирянам с призывом оказывать всемерную помощь всем пострадавшим, включая беженцев, людей, оставшихся без кровя и средств к существованию. Русский и украинский народы имеют общую многовековую историю, восходящую к Крещению Руси святым равноапостольным князем Владимиром. Верю, что эта дарованная Богом общность поможет преодолеть возникшие разделения и противоречия, приведшие к нынешнему конфликту». То есть он не осудил агрессию и не назвал происходящее войной, но и не дал оснований для вполне однозначной трактовки своей позиции.

После этого патриарх замолчал на неделю, на протяжении которой шли напряженные боевые действия и бомбардировки украинских городов. И лишь когда ситуация в УПЦ накалилась, 3 марта он выдал новый текст — ре-

комендованную к ежедневному чтению в храмах краткую [«Молитву о восстановлении мира»](#): «От единия купели Крещения, еже при святем князе Владимире, мы, чада Твои, благодать восприяхом, — дух братолюбия и мира в сердцах наших навеки утверди! Иноплеменным же языком, брани хотящим и на Святую Русь ополчающимся, — запрети и замыслы их ниспровергни. Благодатию Твою власти предержащие ко всякому благу настави, воинов — в заповедях Твоих утверди, лишенныея кровя — в домы введи, голодныя — напитай, недугующая и страждущая — укрепи и исцели, в смятении и печали сущим — надежду благую и утешение подаждь, на брани убиенным — прощение грехов и блаженное упокоение сотвори». При всей размытости терминов молитва прочитывалась как осуждение «на Святую Русь ополчающегося» «иноплеменного» влияния в Украине и как поощрение воинов-захватчиков.

«Маски сорваны». Официозные нарративы в речах патриарха

6 марта 2022 года, в Прощеное воскресенье, Патриарх уже [открыто солидаризировался](#) с жителями Донбасса, которые якобы страдают за то, что отказались допустить у себя гей-парады. Отбросив мнимый нейтралитет, Кирилл заявил: «Восемь лет идут попытки уничтожить то, что существует на Донбассе. А на Донбассе существует неприятие, принципиальное неприятие так называемых ценностей, которые сегодня предлагаются теми, кто претендует на мировую власть. Сегодня есть такой тест на лояльность этой власти, некий пропуск в тот „счастливый“ мир, мир избыточного потребления, мир видимой „свободы“... Тест очень простой и одновременно ужасный — это гей-парад. Требования ко многим провести гей-парад и являются тестом на лояльность тому самому могущественному миру... Мы вступили в борьбу, которая имеет не физическое, а метафизическое значение... мы будем верны слову Божиему, мы будем верны Его закону... никогда не смишимся с теми, кто этот закон разрушает, стирая грань между святостью и грехом, а тем более с теми, кто пропагандирует грех как образец или как одну из моделей человеческого поведения». Таким образом он воспроизвел один из ключевых нарративов российской пропаганды, обосновывающий «экзистенциальное» противостояние России и Запада, которое привело к войне.

Когда же духовенство, а затем и епископы входящей в РПЦ Украинской православной церкви стали настоятельно требовать от него реакции на происходящее (а уже были и жертвы среди духовенства и приходских активистов, и десятки разрушенных в ходе боевых действий храмов) и некоторые из них отказались от поминовения патриарха, из Московской патриархии сначала последовали угрозы в адрес инициаторов писем, а потом и прямые патриаршии оправдания российской агрессии. Кроме того, патриарх стал лично выражать соболезнования погибшим на фронте священникам — капелланам российской армии (что вовсе не его уровень) и, реже, поддержку российским военнослужащим.

Год спустя [в одной из речей](#) патриарх Кирилл сформулировал свой «символ веры», суммирующий его политическую риторику военного времени: «Наступает момент истины, и, наверное, уже наступил, потому

что все стало на свои места — маски сорваны, ложная дипломатия эпохи разрядки ушла. Потому что ставилась задача взять нас голыми руками, без всякой войны, одурачить нас, втянуть в свой мир, привить нам свои ценности. Но народ наш и руководство наше поняли, что эти ценности противоречат нашим, ведь Святая Русь, слава Богу, хранит христианские ценности, которые и были включены в систему национальных ценностей. Когда же стало ясно, что ничего общего уже нет, все это и привело к военному противостоянию. И мы должны помнить, что и нынешняя наша брань не против крови и плоти, но против мироправителей тьмы века сего... Мы не хотим, чтобы были родители номер 1 и номер 2. Мы не хотим, чтобы было утрачено различие между полами... Поэтому мы должны... проповедовать слово Божие с дерзновением... не бояться идти в светские коллективы... Это касается и наших Вооруженных сил, всего силового блока, который сегодня более, чем многие другие сегменты нашего общества, открывается навстречу Церкви».

К подобным «политическим» возваниям патриарха можно отнести и его [выступление](#) 8 октября 2023 года в день памяти преподобного Сергия Радонежского на братской трапезе в Свято-Троицкой Сергиевой лавре: «...Некоторые уходят в тень, считая происходящее в мире не своим делом: мол, я молюсь в келье, и этого достаточно... Конечно, ваша первая и главная задача — молиться. Но молиться по-настоящему! Не так, как мы иногда молимся: отчитали правило, отстояли на службе — и всё... Кто-то скажет: „Ну, я политикой не занимаюсь“». А можно себе представить преподобного Сергия, который в ответ на призыв Дмитрия Донского сказал бы, пожав плечами: „Я политикой не занимаюсь, вы там сами с Мамаем разбирайтесь“?.. Потому и обращаюсь сегодня к вам с особым словом. Молитесь за Отечество, потому что оно противостоит ныне мировому злу...» Перед нами пример конкретной инструкции патриарха — требование обращения молитвы к «политической реальности» и одновременно упрек в адрес наиболее, казалось бы, националистического и консервативного слоя церковного социума — монашества — в том, что оно уклоняется от подобной политизации и не молится за победу России или делает это сугубо формально.

Следует, однако, отметить, что подобные пассажи произносились патриархом в рамках его проповедей перед сравнительно малочисленной аудиторией и были «закопаны» в бурном словесном потоке, касающемся самых разных тем. Ни пресс-служба Московской патриархии, ни российские официальные медиа не стремились, как правило, пропагандировать провоенные тезисы патриарха перед широкой аудиторией. Так, хотя упомянутая программная речь про «срывание масок» была перепечатана на десятках епархиальных сайтов, [на сайте Саратовской митрополии](#), например, к концу сентября ее открыли всего 153 человека, в [Татарстанской митрополии](#) — 588 человек, в [Новгородской](#) — 116, в Новокузнецкой — 257, в [Орловской](#) — 39. И только в [Марийской](#) число просмотров относительно значимо — 2064. За исключением аномальных марийских просмотров, среднее их число по церковным медиа составляло менее 300 человек на регион. Известность же таким высказываниям придавали либеральные СМИ и популярные критики РПЦ вроде Андрея Кураева, которые брали из очередной речи (а патриарх их произносит в среднем

по две в неделю, а в поездках — и по пять–шесть) цитаты, касающиеся войны и действующей власти, и предавали их широкой огласке.

Поддержка и вознаграждение: дары войны

Таким образом, хотя у либеральной общественности внутри России и за рубежом сложилось впечатление, что патриарх денно и нощно «благословляет войну» и «убийства украинцев», выступая в качестве «идеологического спонсора» российского террора; в реальности же он в среднем раз в месяц в потоке прочих изречений высказывал явную моральную поддержку российской армии и несколько раз рассуждал о религиозной мотивации «подвига» в защиту Родины и о праве России на сопротивление «Западу», солидаризируясь таким образом с путинским пропагандистским нарративом. Однако не призывал к убийству украинцев, штурму Киева или оккупации украинских земель.

Эти нечестные высказывания, несомненно, отражали его собственные политические убеждения, но также являлись частью своеобразного «диалога с властью», в рамках которого он как представитель РПЦ небезуспешно пытался «защитить церковные интересы» и, можно сказать, подороже продать церковную «политическую поддержку» режиму, который в ее демонстрации очень нуждался. В результате на епархиальном собрании Москвы в декабре 2022 года [вдруг выяснилось](#), что после неудачных в финансовом плане для патриархии ковидных лет у нее появились около 2,23 млрд рублей (около €28 млн) для достройки московских храмов — примерно половина суммы, которую патриархия изыскала на эти цели за предыдущие четыре года.

Другим еще более ярким примером «вознаграждения» РПЦ за «патриотическую» позицию патриарха стала передача ей весной 2023 года музеиных экспонатов общенационального значения — иконы Андрея Рублева «Троица» и раки Александра Невского. Хотя этот шаг вызвал резкие протесты музейного сообщества и общественности, президент и патриарх осуществили его на основе личных договоренностей, не ставя в известность даже ведущих экспертов РПЦ по подобным вопросам.

При этом на том же московском епархиальном собрании [патриарх оговорился](#): «Наши приходы отражают почти все многообразие нашего общества. Да, многие прихожане активно участвуют в поддержке воинов, но есть среди них и те, кто дистанцируется от решений государства или даже покидает Родину. Все православные люди, какого бы мнения они ни придерживались по политическим вопросам, даже тогда, когда мы с ними по этим вопросам не согласны, остаются нашей паствой... Возможно, к вам будут обращаться прихожане с просьбой дать оценку нынешней ситуации. Помните, что священник призван в первую очередь быть голосом Церкви. И если он не уверен, что по тому или иному вопросу выражает позицию Церкви, лучше вовсе не говорить, а воздержаться. В любом случае, не вступайте в не подобающие клирикам словопрения, которые легко выливаются в неправедный гнев...» Таким образом патриарх дал священникам своей епархии (а де-факто и всей РПЦ) право воздержаться от дискуссий или выражения своей позиции по поводу войны.

Если бы не реакция российских оппозиционных, украинских и международных СМИ, российское общество и не узнало бы о позиции патриарха по поводу войны. Как не знают о ней, собственно, на фронте. Военнослужащие — одна из наименее религиозных страт российского общества, и, несмотря на незначительное количество военных капелланов (в войсках, находящихся в Украине или на приграничных территориях, их не более 150, из них постоянно — не более 50), российские СМИ публикуют репортажи о значительном «религиозном плюрализме» в войсках, что ясно свидетельствует о том, что уровень присутствия РПЦ в армии низок.

Как видно из этого анализа, на протяжении полутора лет военных действий мы наблюдаем два типа высказываний, исходящих от патриарха. Высказывания первого типа, в которых он выступает как бы от имени церкви, хотя и содержат завуалированные указания на его позицию и никак не осуждают войну, в целом выглядят относительно нейтральными, обращенными к членам церкви и обществу в целом. Второй тип высказываний, гораздо более личностный, является частью провоенно-го дискурса российских властей и перекликается с речами президента Путина, вплоть до прямых текстуальных совпадений и заимствований. Эта двойственность патриарших высказываний определяется различием в их pragmatike, что в свою очередь непосредственно связано с теми дилеммами, которые поставила перед церковью война в Украине.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВТОРЖЕНИЕ В УКРАИНУ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

Чтобы вполне понять природу двойственной — не в идейном, но в публичном и институциональном отношении — позиции патриарха и увидеть не только ее узкую, связанную с материальными и символическими приобретениями церкви, но и более широкую pragmatiku, необходимо прежде всего обратиться к вопросу о том, что представляет собой Русская православная церковь как религиозная и общественная организация и какие вызовы поставила перед ней брутальная агрессия Путина против Украины.

Что представляет собой Русская православная церковь?

Для большого числа людей и современных медиа дело сводится к простой схеме. РПЦ — это большая религиозная (для некоторых — псевдорелигиозная) организация, полностью подчиненная российским властям, выполняющая волю Путина и ФСБ, а за это имеющая возможность зарабатывать на «одурачивании бабушек» огромные средства, позволяющие «попам ездить на морседесах». Ею руководит «агент КГБ» патриарх Кирилл, раздающий указания «попам», которые послушно выполняют его волю.

Реальность, однако, иная. РПЦ является крупнейшей централизованной религиозной и общественной организацией в России, Беларуси, Молдове и Украине. Это сложно устроенная и динамичная структура, сумевшая

дифференцировать источники своих доходов так, что даже серьезное сокращение части поступлений (например, в период ковида или войны в Украине) не приводит к кризису ее инфраструктуры. Она переживает не только недолговечные политические партии, сменяющих друг друга президентов и диктаторов-долгожителей, но и целые государства, вроде распавшегося СССР, и поддерживает общины и влияние в государствах и регионах, расположенных далеко от российских и советских границ. При этом РПЦ занимает достаточно консолидированную общественно-политическую позицию в крайне правой части политического спектра, а значит, заведомо достойна осуждения со стороны прогрессивного мейнстрима.

Однако как именно церковный социальный капитал влияет на политические процессы в странах, где РПЦ широко представлена, детально неясно в силу ее закрытости. Собственно, по этой причине РПЦ привлекает такое внимание медиа, политиков и общественности — возможно, не очень соразмерное ее реальной численности, охвату влияния и общей динамике развития. За двадцать последних лет число посетителей рождественских служб (2004–2024) в российских храмах РПЦ упало более чем в два раза (с 3 до 1,4 млн человек), посещаемость пасхальных служб (2004–2023) снизилась на 40% (с 4,9 до 2,8 млн; цифры рассчитаны автором на основании официальных данных МВД РФ). То есть сейчас реальная сфера влияния РПЦ в России охватывает никак не более 2–3% населения страны.

Но прежде чем говорить о позиции церкви в отношении войны, имеет смысл разобраться, что РПЦ представляет собой как институция. Наиболее важны здесь три аспекта: 1) структура управления РПЦ как общественной организации; 2) статус и положение автономных частей РПЦ и ее общин в «далнем» и «ближнем» зарубежье; и 3) функционирование РПЦ собственно как религиозной организации со своей доктриной и системой религиозных авторитетов.

РПЦ — самоуправляемая общественная организация, где членами с правом решающего голоса являются люди со статусом архиерея (епископа, архиепископа, митрополита), которые раз в несколько лет собираются на архиерейский собор, чтобы утвердить решения руководства церкви и принять изменения в богословских, вероучительных и прочих документах, регулирующих ее деятельность. Каждый архиерей обладает внутри РПЦ значительным статусом и автономией — так, например, ни один архиерей (включая митрополитов и даже патриарха) не может приехать на территорию другого архиерея без официального приглашения. Архиерейский собор утверждает состав руководящих органов РПЦ и, в принципе, может сместить патриарха (несмотря на то что тот избирается пожизненно) за особо значительные проступки. Он же рекомендует общественному собранию — поместному собору — кандидатуру нового патриарха в случае смерти предыдущего.

Повседневной деятельностью церкви руководит другой коллективный орган — Священный синод, который составляют как его постоянные члены, назначаемые исходя из занимаемой ими кафедры (главные ар-

хиереи региона — Москвы, Петербурга, Киева, Минска, Кишинева) или должности (например, управляющий делами РПЦ, глава Отдела внешних церковных связей (ОВЦС) Московского патриархата), так и временные члены из числа регионального епископата, которых кооптируют в состав Синода на полугодовой срок на основе не раскрываемых публично принципов.

Священный синод, собираясь раз в два месяца, принимает прежде всего ключевые административные документы (в том числе обращения от имени РПЦ), назначает и перемещает епископов, утверждает отчеты патриарха и главы ОВЦС. Рабочие вопросы решаются на заседаниях созданного патриархом Кириллом Высшего церковного совета (ВЦС), который объединяет руководителей синодальных учреждений (административных подразделений аппарата) РПЦ, а почти все важные церковные документы разрабатываются на заседаниях комиссий Межсоборного присутствия — церковного недопарламента, сформированного из образованных и известных представителей епархий и периодически ротируемых по предложениям Московской патриархии (это еще одна инициатива Кирилла).

Административная структура РПЦ также включает в себя с десяток территориальных и межрегиональных структур с разной степенью внутренней автономии: Украинскую, Белорусскую, Латвийскую, Молдавскую, Эстонскую, Японскую церкви, Русскую православную церковь за рубежом и более мелкие организации. Они участвуют в деятельности РПЦ на разных уровнях, но действуют на основании своих уставов — которые дают им определенную (иногда значительную) степень свободы, в том числе в определении части религиозных обрядов и практик, прославлении святых, в кадровой и языковой политике, финансах и т.д. Разумеется, автономны эти церкви и в политических вопросах, и в вопросах отношений с правительствами тех государств, где они находятся. Собственно, наличие этих автономных частей (как и разветвленной системы приходов на всех обитаемых континентах) делает РПЦ глобальной, а не национальной церковью, что бы об этом ни думали в самой России.

Наконец, в религиозном плане в РПЦ есть различия между православной доктриной (значительная часть которой допускает широкие толкования), личным религиозным авторитетом конкретного священнослужителя (а также монашествующего или даже прихожанина), личными политическими взглядами священнослужителя, соборным мнением церкви или ее управляющих органов и директивным предписанием (то есть благословлением) того или иного церковного руководителя. Таким образом, отнюдь не любое высказывание любого церковного деятеля (включая патриарха) является а) заявлением от имени всей церкви, б) обусловлено доктринальной позицией церкви в результате коллективного (соборного) решения, в) обязательно к исполнению, г) будет принято к исполнению другими членами церкви, даже если его инициатор формально имеет право издавать распоряжения.

Такое внутреннее устройство и распорядок усиливают, а не ослабляют церковь, поскольку позволяют оставаться в ней широкому кругу людей с

разными общественно-политическими представлениями, религиозными мотивациями и интерпретациями различных аспектов православного вероучения. В частности, это дает возможность существовать внутри церкви системе религиозных авторитетов — духовников, которые часто оппонируют формальной церковной власти (церковным администраторам). Вокруг некоторых из них формируются духовные движения последователей и почитателей. А отдельные движения переживают своих инициаторов и определяют позицию по мировоззренческим, обрядовым или политико-социальным вопросам сотен священнослужителей и десятка-другого епископов.

Позиция Священного синода и автономных церквей

Несмотря на описанные выше маневры, поддержка войны со стороны Кирилла серьезно сказалась на внутренней ситуации в РПЦ и фактически вызвала сильнейшую эрозию механизма церковного представительства и управления. Она прямо ведет к усилению влияния Кирилла в краткосрочной перспективе и отпадению от РПЦ значительной части автономных церквей, не согласных ни с поддержкой Кириллом и частью РПЦ войны, ни с практическим курсом на «папизм» (то есть единоначалие) в управлении церковью.

Разрушение просуществовавшей почти 80 лет и пережившей распад СССР системы административного управления РПЦ началась еще в 2020 году, в период ковида. Тогда центральный управленический орган РПЦ, Священный синод, перестал собираться на регулярные двухмесячные встречи в едином помещении и перешел на дистанционный режим. Глава УПЦ митрополит Киевский Онуфрий (Березовский) последний раз лично посетил заседание Синода в Москве 26 декабря 2019 года (что зафиксировано на фото с этого мероприятия), а в его последующих онлайн-заседаниях участвовал далеко не всегда (судя по опубликованным пресс-службой Московской патриархии фотографиям, лишь в половине случаев), что неофициально объяснялось в Киеве (в интервью, взятых автором этой статьи на условиях анонимности) протестом против консолидации власти в РПЦ в руках патриарха Кирилла.

Действительно, к тому моменту Кирилл не только провел серьезные административные реформы в РПЦ, создав упоминавшиеся выше ВЦС и Межсоборное присутствие, но и перешел к практике самостоятельной политики в сфере межконфессиональных коммуникаций, ставя коллег по Синоду в известность о ней постфактум. Самым ярким примером тут являлась его встреча с папой римским на Кубе в 2016 году, о которой он сознательно предварительно не информировал подавляющее большинство членов Синода. У консервативного, резко антикатолически настроенного епископата Украины это вызвало не скрываемое в частных разговорах возмущение, которое автор этого текста неоднократно фиксировал в интервью с украинскими епископами в 2017–2022 годах. С 2017 года по этой причине поминание Кирилла в своих молитвах прекращает первый украинский архиерей — гиперконсервативный митрополит Лонгин (Жар), который является (предположительно) духовником Онуфрия и лидером одного из украинских духовных движений. Кроме того, подчиненные па-

триарху административные структуры Московской патриархии, которые должны были быть посредниками между общецерковными институтами и другими частями РПЦ и УПЦ, многократно превышали свой мандат, пытаясь вмешиваться в дела этой автономной церкви.

Особенно часто в этом контексте упоминался заместитель председателя ОВЦС протоиерей Николай Балашов, отвечавший за оперативную коммуникацию между Москвой и Киевом, которого отличали резкость и категоричность в общении с людьми, формально стоящими выше него по иерархической лестнице, в том числе с членами Синода УПЦ. Не удивительно, что 25 октября 2022 года Синод РПЦ отправил его в отставку с этого поста (но сделал советником патриарха), а власти Украины в январе 2023-го [внесли в санкционный список](#) «граждан России, которые, прикрываясь духовностью, поддерживают террор и геноцидную политику».

Таким образом, еще до начала войны неприязненное отношение Московской патриархии к украинской государственности и попытки давления, нарушающие автономию УПЦ, создали напряжение в отношениях РПЦ и УПЦ. На этом фоне полномасштабное вторжение российских войск в Украину и реакция на него патриарха Кирилла спровоцировали серьезное давление на УПЦ со стороны украинского государства и общества и создали для нее реальные риски утраты большинства прихожан на Волыни и в Хмельницкой области, а также существенных сокращений паствы в других регионах Украины. Все это сделало практически неизбежным выход УПЦ из состава РПЦ путем внесения соответствующих изменений в устав Украинской церкви. Выход состоялся 27 мая 2022 года.

Происходящее является ярким примером того, как рассыпается структура РПЦ в отсутствие коллективного управления и консолидации по принципиальным вопросам. С начала войны Священный синод РПЦ (напомним, в него на постоянной основе, кроме российских архиереев, входят главы Белорусской, Молдавской и Украинской автономных церквей, руководители Православной церкви Казахстана и Среднеазиатской митрополии) явным образом дистанцировался от всякого соучастия в военной проблематике, ограничившись принятием общей молитвы за мир и одобрением общецерковных мероприятий в помощь беженцам и вынужденным переселенцам. Синод, правда, выступал также и в защиту УПЦ, подвергшейся давлению украинских правоохранительных органов, но с его точки зрения это была скорее защита принципа невмешательства в дела церкви.

Постоянные члены Синода по-разному реагировали на войну и в индивидуальном порядке. Большинство из них предпочло промолчать. Заявлением в поддержку российских военных или в оправдание войны отметились только патриарх и (с большим опозданием, к концу лета 2023 года) глава Белорусской православной церкви Вениамин (Тупеко). Главы Православной церкви Казахстана и Среднеазиатской митрополии в начале войны выражали осторожную поддержку российской армии, однако затем их голоса на сей счет перестали быть слышны. Глава УПЦ митрополит Онуфрий в первые часы войны резко осудил российскую

агрессию и призвал к поддержке украинской армии. Глава Молдавской православной церкви митрополит Владимир (Кантарян) осудил войну в очень аккуратных выражениях и сохранил полноценный контакт с Москвой — и только в январе 2023 года [под напором журналистки Deutsche Welle четко заявил](#) о ее неприятности. Впрочем, в октябре 2023 года было обнародовано [письмо Владимира Кириллу](#), написанное в сентябре, в котором системно и масштабно выражались претензии к Московской патриархии. Владимир писал, что из-за российской агрессии контакты между православными Молдовы и России распались, патриархия не учитывает принадлежность молдаван не к «русскому», а к румынскому «миру» и не уважает пожеланий Молдавской ПЦ в отношении рукоположений епископов. Все это, резюмировал Владимир, ведет к потере Молдавской ПЦ позиций в молдавском обществе и ее предстоящему краху, если она не возьмет курс на отдаление от Москвы. При этом в ноябре 2023 года Молдавская ПЦ [отвергла предложение ряда священнослужителей](#) присоединиться к Румынской православной церкви, вызванное поддержкой патриархом войны в Украине.

Даже российские члены Священного синода заняли сдержанную и отстраненную позицию. Например, очень консервативный митрополит Санкт-Петербургский Варсонофий (Судаков) в своих выступлениях с декабря 2022-го по октябрь 2023 года упомянул о войне не более четырех-пяти раз (как следует [из отчетов о его выступлениях](#)). Он повторял оправдательные тезисы патриарха Кирилла о конфликте «с Западом» и патриотизме российских воинов, однако самостоятельно эту тему не развивал даже на тематических мероприятиях (вроде конференции по вопросам безопасности), старательно зачитывая заранее подготовленные доклады. Непосредственно его интересовал только многократно и одобрительно поминаемый им указ Путина о защите традиционных духовно-нравственных ценностей. За все это время он ни разу не участвовал в мероприятиях с действующими военными (даже на освящении новооткрытого аэропорта гражданско-военного назначения Левашово он сфотографирован только рядом с гражданским персоналом) и лишь пару раз посетил военный госпиталь. При этом его епархия активно принимала участие в гуманитарных программах по поддержке беженцев, сбору и отправке финансовой и материальной помощи жителям оккупированных территорий.

Той же линии поведения придерживается и митрополит Коломенский Павел (Пономарев), патриарший наместник в Московской епархии: минимум слов о войне, только краткая бюрократическая отчетность с упором на помощь беженцам и семьям военнослужащих. Он тоже, [судя по отчетам](#), избегает служения для действующих военнослужащих, хотя некоторые его коллеги-архиереи из других епархий Московской области делают это охотно и часто. А бывший (с октября 2023 года) управляющий делами Московской патриархии митрополит Воскресенский Дионисий (Порубай) за полтора года войны дал, возможно, всего одно, но весьма двусмысленное [интервью](#), в котором признал право брать оружие и защищать свою страну, если война идет «за правду», однако не уточнил, про кого, собственно, идет речь. Не удивительно и то, что российские члены Синода избегают поездок на оккупированные территории.

Европейские епархии и церкви

Эрозия единства еще более заметна в епархиях РПЦ и входящих в ее состав автономных церквях, действующих на территории Евросоюза. Главы двух из них — бывших «церквей эмигрантов», РПЦЗ и Архиепископии западноевропейских приходов русской традиции, — однозначно осудили российскую агрессию, хотя и с различной степенью категоричности. Архиереи всех трех церквей и епархий РПЦ в странах Балтии также осудили агрессию, хотя тоже по-разному и, видимо, как минимум в Латвии и Эстонии — под явным давлением местных властей. Радикальнее всего выступил митрополит Литовский и Виленский Иннокентий. 17 марта 2022 года на сайте епархии он опубликовал [«Обращение»](#), в котором, в частности, говорилось: «Позиция Православной Церкви в Литве неизменна — мы решительно осуждаем войну России против Украины и молим Бога о ее скорейшем прекращении. Как вы, наверное, уже успели заметить, у нас с Патриархом Кириллом разные политические взгляды и восприятие текущих событий. Его политические высказывания по поводу войны в Украине — это его личное мнение. Мы в Литве с этим не согласны».

Впрочем, и это не убедило руководство Литвы в лояльности митрополии властям страны. Воспользовавшись конфликтом группы священников (попытавшихся организовать на территории страны приходы Константинопольского патриархата, находясь в Московском) с Иннокентием, они начали переговоры со Стамбулом об организации в стране альтернативной церковной юрисдикции, и к концу года [было объявлено, что создание такой структуры практически завершено](#). Хотя на практике она насчитывает не более четырех реальных (и небольших) приходов, в чем автору пришлось убедиться лично в ноябре 2023 года.

Власти Латвии пошли другим путем. Хотя митрополит Рижский и всея Латвии еще в начале войны публично осудил действия России, в результате громкой общественно-политической кампании 8 сентября 2022 года сейм Латвии принял поправки в закон о Латвийской православной церкви (ЛПЦ), фактически объявляющие ее автокефальный статус. 20 октября состоялся Собор ЛПЦ, абсолютным большинством проголосовавший за автокефалию и направивший патриарху Кириллу соответствующее прошение. И хотя первоначально многие наблюдатели восприняли это как игру, проводимую под давлением властей в условиях военного времени, 13 августа 2023 года Синод ЛПЦ рукоположил первого епископа, «не согласованного» с Москвой, а 24 августа Синод РПЦ не утвердил это рукоположение, перенеся рассмотрение вопроса на послевоенный Архиерейский собор. Тем самым было официально положено начало конфликта между церквями. Впрочем, в начале октября делегация ЛПЦ в лице двух протоиереев посетила Москву, была принята всем руководством Московской патриархии и получила миро (ароматическое масло, используемое в богослужении, — одновременно символ подчиненности духовных институций), подтвердив тем самым, что окончательного разрыва пока не произошло (УПЦ решила варить миро самостоятельно).

В Эстонии глава Эстонской православной церкви Московского патриархата (ЭПЦ) митрополит Евгений (Решетников) свои заявления с осуждением войны перемежал сомнительными беседами с журналистами, в результате чего ему пришлось выполнять предписания МВД Эстонии об официальном осуждении войны. В январе 2023 года он даже дал согласие на проведение общего с одной из пророссийских партий страны мероприятия «Молитвы за мир». Остроту ситуации придает тот факт, что Евгений был назначен главой церкви относительно недавно (в 2018 году), перебравшись на этот пост из Москвы, и не имел до того никакого отношения к Эстонии. Ранее главой ЭПЦ длительное время был Корнилий (Якобс), бывший политзаключенный хрущевского времени.

Однако очевидно и другое. Духовенство РПЦ в странах Балтии в целом уже давно осознало, что его благополучное существование там как на коллективном, так и на индивидуальном уровне требует лояльности национальным властям или как минимум уклонения от публичной политической активности. Именно поэтому, например, в Латвии — как стране с крупнейшей среди трех балтийских государств общиной приверженцев РПЦ — уже как минимум четверть века [существует внутрицерковный запрет](#) на выражение священниками своей политической позиции, равно как и вообще на публичные высказывания вне стен храма, интервью журналистам и прочие формы общественно-политической активности. В Литве традиция не просто лоялистской, но пронациональной активности руководства и активной части духовенства местной епархии (а затем митрополии) РПЦ берет начало с конца 1980-х, когда правящий архиерей Хризостом (Мартишкин), известный еще с 1970-х годов как покровитель диссидентов внутри РПЦ, стал членом правления «Саюдиса», а затем выступал с обличением агентов КГБ внутри епископата.

В остальной части Европейского союза ситуация для приходов и епархий РПЦ выглядит более свободной и менее опасной. Там священники (вряд ли епископы) могут достаточно открыто проявлять свои пророссийские симпатии и заниматься пророссийской деятельностью, включая публичное исполнение пожеланий посольств России или служение в посольских храмах. Какая часть духовенства поступает таким образом — сказать сложно. Но можно однозначно утверждать, что как минимум немалая часть священников РПЦ, служащих в ЕС, прямо или негласно выступает против войны. Это заметно хотя бы по списку 300 священников, подписавших [антивоенное Обращение священнослужителей РПЦ](#). Вместе с тем по мере продолжения войны у правоохранительных органов стран ЕС будет возникать все больше вопросов к деятельности пророссийских священников. «Первой ласточкой» здесь стала высылка в сентябре 2023 года группы священнослужителей РПЦ из Болгарии по подозрению в шпионской деятельности. Подобные расследования ведутся также в Германии.

«Молитва о святой Руси» и разрушение церковных институтов

Столкнувшись с очевидным уклонением коллег по Синоду от открытой и активной поддержки войны, 25 сентября 2022 года патриарх предпринял смелый для себя и странный для церковной институции шаг: в Алек-

сандро-Невском скиту своей загородной резиденции в Переделкине он произнес краткую [«Молитву о святой Руси»](#), «провоенная» часть которой заключалась в одной строчке: «Воины и вся защитники Отечества нашего в заповедех Твоих утверди, крепость духа им низпосли, от смерти, ран и пленения сохрани!» Для поддерживающих войну этот текст выглядит как жест ее молитвенного одобрения, особенно в контексте упоминания «единого народа» («Се бо брани хотящия ополчишася на Святую Русь, чающе разделити и погубити единый народ ея»). В то же время сам текст не содержит такого эксплицитного утверждения, а термины «Святая Русь» и «Отечество» остаются амбивалентными в их содержательном наполнении. Более того, пассаж «Верным чадам Твоим, о единстве Руссия Церкви ревнующим, поспешствуй, в духе братолюбия укрепи их и от бед избави. Запрети раздирающим во омрачении умов и ожесточении сердец ризу Твою яже есть Церковь Живаго Бога, и замыслы их нисровергни» раскрывал миротворческий потенциал молитвы, а не пожелания однозначной победы одной из сторон.

Пресс-служба патриархии сделала из этого пиар-акцию, оперативно выложив и видео с молящимся в одиночестве патриархом (текст был прочитан им с запинками, как будто он читал его во второй-третий раз, а не был его автором), и сам текст молитвы на своем сайте. В дальнейшем текст был repубликован большинством российских церковных СМИ и епархиальными сайтами. Кроме того, патриарх отслужил в Александро-Невском скиту службу и выступил с проповедью, где [сделал еще более амбивалентное заявление](#): «Мы знаем, что сегодня многие погибают на полях междуусобной брани. Церковь молится о том, чтобы брань сия закончилась как можно быстрее, чтобы как можно меньше братьев убили друг друга в этой братоубийственной войне. И одновременно Церковь осознает, что если кто-то, движимый чувством долга, необходимостью исполнить присягу, остается верным своему призванию и погибает при исполнении воинского долга, то он, несомненно, совершает деяние, равносильное жертве. Он себя приносит в жертву за других. И потому верим, что эта жертва смыкает все грехи, которые человек совершил».

По поводу этого пассажа последовало достаточно много [kritических замечаний теологического плана](#), указывающих, что он не соответствовал православному вероучению в традиционном его понимании. Однако критики исходили из того, что патриарх таким образом «отпустил грехи» только российским военным, хотя из текста следовало прямо противоположное. Патриарх говорил о погибших «на полях междуусобной брани», то есть о воинах обеих сторон конфликта.

Но в дальнейшем в «дело» пошла только сама молитва (без проповеди), которую через административную пирамиду РПЦ стали навязывать для исполнения священникам. При этом молитва была произнесена не с кафедры (то есть не была молитвой главы Московской епархии или главы Русской православной церкви), и на ее распространение не было санкции Священного синода, который должен был утвердить ее решением, зафиксированным в его журнале. Таким образом, молитва была частной инициативой патриарха (как политика), и ее распространение шло через систему церковно-административной, а не духовной власти. И

в некой постпутинской перспективе Синод может заявить, что его, как законный орган, обошли с подобными политическими заявлениями и что это была частная инициатива Кирилла, а не общечерковное решение.

Впрочем, такой незаконный с точки зрения церковно-юридической системы акт — продвижение «частной» молитвы через административный аппарат — имеет большое значение уже сейчас. Автономные церкви, епархии и отдельные приходы РПЦ за пределами России могут на законных основаниях не только игнорировать ее в своих храмах (ибо настроение и верующих, и духовенства в них зачастую иное, чем в России), но и использовать этот случай как аргумент в разговоре с местными властями. Если было бы решение Синода о молитве, это означало бы, что они «получили инструкции из Москвы о поддержке войны», а если этого решения нет, то происходящее в РФ их официально не касается. Насколько известно автору, в Германии чтение этой молитвы священниками в приходах оставлено на их усмотрение. И хотя во многих приходах есть группы активных пророссийских верующих, желающих услышать эти молитвы в храме, большинство духовенства на это не пошло, опасаясь и приходских политических конфликтов, и осложнения отношений с местными властями и общественностью.

Можно быть уверенным, что такую молитву Синод мог бы согласовать как обязательную, и разделение поддержки войны на официальную и неофициальную — инициатива самого Кирилла, который играл в двусмысленные юридические игры и ранее (например, не явившись на формальный акт присоединения Крыма). Однако желание Кирилла «усидеть на двух стульях» продиктовано не только его коварством, но и пониманием того, что открытая легализация поддержки войны через Синод приведет к еще более скорому распаду РПЦ и превращению ее в чисто российскую церковь.

Весьма показательно в этом контексте исчезновение Архиерейского собора РПЦ как институции, утверждающей решения Синода. Вместо него летом 2023 года было проведено не предусмотренное в уставе РПЦ Архиерейское совещание с неясным составом и функциями, на которое собрались архиереи России и те из служащих за рубежом, кто смог приехать «несмотря на сложную международную обстановку». Главная причина проведения совещания вместо Собора очевидна — архиереи УПЦ отказались участвовать в нем, поскольку украинская церковь заявила о выходе из РПЦ.

В то же время Московская патриархия в 2023 году утвердила прошения о переходе из УПЦ в РПЦ ряда епархий, оказавшихся на оккупированной территории. Этот шаг явно был заранее подготовлен, возможно с помощью российских спецслужб, и осуществлен без согласования с УПЦ. Последняя же, дав на своем соборе в Феофании в мае 2022 года право епархиям самим определяться, принимать автокефалию или нет, не прописала механизм перехода в состав РПЦ. То есть Московская патриархия, с одной стороны, не признает выхода УПЦ из своего состава, как бы считая ее по-прежнему автономной церковью в составе РПЦ, а с другой, содействуя переходу ее епархий в РПЦ, нарушает тем самым

автономию УПЦ в составе РПЦ и негласно признает тем самым факт отпадения УПЦ. К осени 2023 года аналогичная ситуация сложилась в отношениях патриархии с Латвийской православной церковью.

И, наконец, показательно, что церковная работа на оккупированных территориях ведется представителями специальной Патриаршей миссии под руководством не имеющего формально к региону отношения патриаршего экзарха в Юго-Восточной Азии Сергия (Чашина). То есть эта работа осуществляется не местными епархиями, не Высшим церковным советом, не синодальными учреждениями, а в рамках личной миссии патриарха, результаты работы которой, правда, рассматриваются и утверждаются Синодом.

Таким образом, противоречивость «политического» и «церковного» в поведении патриарха непосредственно обращает нас к центральной и стратегической дилемме, которую создало для Русской православной церкви вторжение в Украину. И по своим идейным убеждениям, и по своему положению в политической системе российского авторитаризма патриарх не мог не поддержать войну. И более того, именно эта поддержка укрепляла позиции Кирилла и Московской патриархии в системе путинской государственности, ожидавшей от церкви последовательной и искренней пропаганды войны и своих «цивилизационных» амбиций в качестве форпоста противостояния Западу. Однако для РПЦ как реальной институции следование этим ожиданиям означало ее почти неизбежное стремительное «сужение» до границ путинской политической империи, утрату «вселенского» характера и влияния, а также многочисленные проблемы и конфликты на приходском уровне и, как результат, — отток прихожан, не согласных с пропагандой непопулярной в обществе и в церкви войны.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ МЕЖДУ ИНТЕРЕСАМИ «ИМПЕРСКИМИ» И «НАЦИОНАЛЬНЫМИ»

В двух предыдущих частях этого исследования мы рассматривали позицию патриарха Кирилла как главы РПЦ, функционера путинского политического режима и одного из идеологов, оправдывающих его радикализацию, а также позицию руководящего звена церкви (постоянных членов Священного синода) и ее крупнейших автономий. Но какова позиция в отношении к войне церковного мира, то есть церкви как большой и сложно организованной социальной общности?

Позиция российского епископата и духовенства

Приведенное выше описание различных позиций по отношению к войне на уровне крупных частей РПЦ и членов Священного синода в целом соответствует представлениям о происходящем в четырех основных политических группах актива церкви, сложившихся за последние полтора года.

Первая группа — это энтузиасты войны. На уровне Московской патриархии и ее рабочего аппарата хорошо видны те, кто активно занят провоенной пропагандой и щедро добавляет в нее свою личную ксенофобию в отношении украинцев. В первую очередь это сложившаяся еще в 2014–2015 годах в рамках кампании поддержки «Русской весны» и «Донбасса» группа, яркими представителями которой являются ключевой администратор патриархии архиепископ Савва (Тутунов), один из важнейших спичрайтеров Кирилла Александр Щипков, главный теневой эксперт Московской патриархии по украинской проблематике Кирилл Фролов, личные друзья патриарха, бежавшие из Украины в 2010-е годы и получившие приходы в Москве, — священники Андрей Ткачев и Андрей Новиков, популярный московский проповедник и член различных епархиальных комиссий протоиерей Артемий Владимиров и т.д. Против многих из них уже введены украинские санкции.

И в епископате, и на уровне епархий в России можно найти сотни священников с подобной резкой и радикальной позицией (в гораздо меньшей степени они представлены в Беларуси и только отдельными случаями — в других странах). Однако в общем массиве духовенства (в РПЦ на начало 2020-х служило порядка 30 тыс. священников) они составляют отчетливое меньшинство.

Вторую группу представляют собой епископат и духовенство, делающие в отношении пропаганды войны необходимый минимум, предписанный начальством. Эти люди читают «Молитву за святую Русь», если они служат в России или Беларуси, собирают деньги и ценности для беженцев и для епархий на оккупированных территориях, но реально войну не одобряют, однако боятся «нестроений» (конфликтов) в приходах или преследований со стороны светских или церковных властей, а потому малоактивны. Примерно так выглядит позиция большей части духовенства в России.

Третья группа — это священники, демонстрирующие «деликатное отстранение» от военной тематики. Они не выступают с про- или антивоенными инициативами и не готовы участвовать в их реализации без нажима, предпочитая вообще никак не обсуждать войну, чтобы не поссориться со сторонниками обеих партий. Это подавляющее большинство православного духовенства за пределами России, а также примерно две трети духовенства Беларуси и Украины. В частных разговорах с доверенными людьми они демонстрируют все разнообразие позиций — от скрытой поддержки Путина, которую невозможно выразить публично в стране их пребывания, и ожесточенной критики украинских властей, соседствующей с признанием, что «в России не правы, начав войну» (цитата из моей недавней беседы со священником), до яростных антипутинистов, опасающихся в то же время привлечь внимание епархиального начальства и испортить отношения с пророссийской частью прихожан.

В некоторых случаях под нажимом государства или местных властей представители этой категории способны аккуратно осудить (не всегда понятно, искренне или нет) факт российской агрессии. С другой стороны, многие такие «молчуны» на закрытых от посторонних глаз епархиальных

банкетах, особенно с участием светского начальства, будут единодушно поднимать посты «за Победу» или «за наших парней». Как и патриарх Кирилл, они пытаются (не всегда последовательно) проводить грань между институциональной позицией церкви (остающейся лоном как для сторонников, так и для противников войны и для воюющих по обе стороны) и своей личной политической позицией.

И, наконец, четвертая группа — более или менее активные противники войны, с четко выраженным кредо. В первую очередь это касается той примерно трети украинского духовенства, которая последовательно выступает с патриотических позиций либо изменила свою умеренно пророссийскую позицию на проукраинскую с началом войны. Однако тут также имеется широкий спектр мнений: от прямой и открытой поддержки всех (большинства) действий властей и населения Украины, в том числе их требований к руководству УПЦ публично определиться в отношениях с Москвой (это, например, значительная группа духовенства в УПЦ, возглавляемая священником Андреем Пинчуком), до людей, четко выразивших осуждение российской агрессии, но критикующих власти Украины за их религиозную политику (как например, глава РПЦЗ в Германии митрополит Марк (Арндрт)).

«Имперское», «национальное» и социально-церковное: что стоит за многообразием идентичностей

Здесь еще раз приходится отметить, что приверженность тех или иных священников или епископов консервативным, гиперконсервативным или даже русско-националистическим взглядам не делает их автоматически сторонниками войны и последователями патриарха Кирилла. Для многих, в том числе для мечтавших об объединении стран и воссоздании «Святой Руси», методы этого «объединения» стали полным шоком. Другие больше думают о практических последствиях подобного шага для единства РПЦ, третьим не нравится политизированность патриарха и его группы, их содействие разрушению общецерковных институтов и относительный либерализм в собственно церковных вопросах. Таких людей много и во второй, и в третьей группе. Вместе с тем практически все духовенство РПЦ вне зависимости от взглядов однозначно осуждает политику руководства Украины в отношении УПЦ (которая воспринимается ими как часть РПЦ, если они вне Украины, и как самостоятельный субъект, если они в Украине).

И действительно, в результате грубого административного натиска и провокаций «турбопатриотических» активистов УПЦ лишилась уже более тысячи храмов, в том числе и своего духовно-административного центра — Киево-Печерской лавры. Два десятка епископов пребывают под следствием и судом по сомнительным обвинениям. Цель подобного давления — в том, чтобы добиться объединения УПЦ с гиперпатриотической церковью-конкурентом — Православной церковью Украины (ПЦУ) — для достижения «духовной безопасности».

В глазах украинского политического класса противодействие такому объединению или критика украинских властей свидетельствуют о «под-

держке Путина», хотя в действительности это не так. Как и прошлые, довоенные симпатии к России и к Путину лично, так и согласие с идеей единства (или близких отношений) восточнославянских народов совершенно не означают одобрения войны, патриарха и нынешней российской внутренней и внешней политики.

В качестве аналогичного примера «цветущей сложности» (на первый взгляд совершенно парадоксальной) можно упомянуть военные подразделения российских неонацистов (Русский добровольческий корпус) или наци-монархистов («Легион „Свободная Россия“»), которые воюют на стороне Украины, или воевавших в составе украинского «Азова» различных российских правых радикалов, а также проукраинскую позицию многих правых радикалов в самой России, готовых, по некоторым сведениям, к осуществлению террористических актов. Мотивация резкого осуждения российской агрессии и готовности оказывать помочь Украине у этих людей может быть достаточно разной, однако она не противоречит их радикально-консервативным, прорусским и пророссийским взглядам и и уже давно не удивляет украинский политический класс.

Аналогичным образом многие российские либеральные православные принимали участие в антипутинских протестах и оказывали помочь украинцам, оказавшимся в России и желающим вернуться на подконтрольную правительству Украины территорию или получить убежище в Европе, а приходы РПЦ в странах ЕС и Молдове собирали помочь для украинцев и передавали ее УПЦ для распределения среди страдающих от войны категорий населения.

«Русское православие» далеко не всегда носит агрессивный имперский характер или тем более ставит перед собой политические задачи — несмотря на то что оно безусловно нацелено на поддержание религиозных и социальных контактов между представителями народов Восточной Европы в границах общего «сакрального пространства» (связанного с общими святыми и почитаемыми местами), на «переток» паломников и перемещения духовенства, обмен литературой и сакральными предметами. И в этом плане оно, с одной стороны, объединяет носителей не только восточнославянской, но и других этнических идентичностей (сайт Московской патриархии переводит свои материалы не только на украинский, но и на молдавский/румынский языки), а с другой стороны, служит несомненным препятствием для популярных в разных странах Восточной Европы проектов по «выковыванию» политических наций с четко определенным списком «врагов».

Поэтому кажется важным смотреть на действия и понимать мотивацию духовенства и верующих РПЦ не в перспективе государственного «имперского» (в России) или «национального» строительства (в Украине, странах Балтии, Молдове), а в перспективе частных, личных, групповых или даже (меж)региональных интересов. Например, идея «триединой Руси» родилась и развила в церковных кругах северо-востока Украины, на стыке границ Украины, Беларуси и России, где люди часто говорят на общих или схожих «полесских» диалектах, не имеющих права на существование с точки зрения «литературных» украинского, белорусского или

русского языков, и разделяют общее понимание православного учения и свой набор символических героев (святых и «старцев»).

Перспектива описанных выше общецерковных интересов позволяет лучше понять мотивации, стоящие за различными типами социального взаимодействия в церкви, нежели их объяснение через призму политических целей и государственной пропаганды, стигматизирующую различные церковные группы в качестве «агентов» того или иного политического проекта.

В такой перспективе становится понятно, почему пропаганда войны, которую, как рассчитывало российское государство, РПЦ должна была проводить в его интересах хотя бы на территории России, не встречает, мягко говоря, значительного энтузиазма духовенства и епископата. Обзор епархиальных сайтов, предпринятый автором статьи, показывает, что за пределами «отдачи кесарю кесарева» с относительным энтузиазмом реагируют на военную тематику не более двух из десяти интернет-изданий. Провоенная агитация ограничивается действиями профильных епархиальных отделов по работе с военнослужащими, казаками или сотрудниками правоохранительных органов, достаточно энергичным (во всяком случае, по отчетам) сбором «гуманитарной помощи» (которая может идти как беженцам или жителям оккупированных территорий, так и военным — автору приходилось видеть и такие «списки необходимых предметов», распространяемые приходскими активистами). А вот какие-то личные действия священников или епископов по «поддержке наших парней», специальные визиты в воинские части, личная, «идущая от сердца» агитация в проповедях или беседах с «духовными детьми» встречаются редко (о чем и сетовал патриарх Кирилл перед монашеством Троице-Сергиевой Лавры).

В то же время описанное выше отношение к войне (и спектр его вариаций) вполне перекликается с отношением к ней в российском обществе в целом. За рамками социологических опросов, достоверность которых остается предметом острых дискуссий, слишком многое указывает на то, что формат предыдущих «имперских» мобилизационных кампаний, таких как «Крым наш» или «наша Победа», применительно к текущей войне провалился. Властям не удалось популяризировать буквы Z и V в качестве символов «народного единения». А неудачная в целом военная кампания и массовое низовое противодействие людям, использующим эту символику (дошедшее до поджогов автомобилей и «оскорблений действием»), привели к тому, что ныне в большинстве регионов России она осталась в употреблении у совсем уж упертых и редких фанатиков, а ранее популярные Z-публицисты призывают отказаться от нее или убирают со своих страниц.

В целом, кампания пропаганды войны ведется только через местные органы власти, систему образования и прочие прямо подконтрольные государству институты, а не через проникнутых энтузиазмом союзников власти, как это было с пропагандой «Победы» и «Крыма». В РПЦ такие энтузиасты остались и работают в основном в упомянутых выше «военных» отделах. Большинство подобных людей (в том числе еписко-

пы) — сами бывшие офицеры или выпускники военных училищ, люди, определяющие свою идентичность в качестве «казаков», а также выходцы с востока и юга Украины, резко отрицательно относящиеся к украинскому национальному проекту / украинскому национализму. Нередко эти люди сочетают несколько из перечисленных идентичностей.

При этом, как и в случае различных групп духовенства, настороженно-отстраненное или даже скрытно-неодобрительное отношение к войне со стороны тех или иных групп населения вовсе не свидетельствует об их либерализме и готовности включиться, например, в либеральную антивоенную кампанию (даже за рамками вопроса об опасности такого шага).

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ВОЙНА: НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Как уже было сказано, РПЦ — это глобальный социальный институт со сложной структурой и непростыми отношениями между своими частями. Его существование опирается на авторитет «русского православия» и русской культуры, но также зависит и от российского государства. Начав захватническую империалистическую войну с Украиной, Путин нанес мощный удар по авторитету всего «русского» в мире, в том числе по авторитету РПЦ и его центрального управленческого органа — Московской патриархии. Перед РПЦ возникла сложная дилемма: необходимость обеспечить требуемую поддержку действий российской власти, от которой она во многом зависит и которую поддерживает значительная часть и духовенства, и мирян, во всяком случае в России, и в то же время необходимость сохранить свой глобальный статус, в том числе свои структуры в тех странах, где в церкви видят «пособника» путинской власти.

С самого начала руководство РПЦ заняло позицию на «двух стульях». Патриарх Кирилл делал сначала осторожные, а потом все более недвусмысленные заявления в оправдание войны, пытаясь в то же время «растворить» их в потоке своих речей и избегать «резких движений» церковно-административного плана. А Священный синод как центральный управленческий орган церкви (как и большинство его членов) всячески дистанцировался от войны. Вслед за ним политически нейтральную публичную позицию заняло и большинство духовенства и епископата РПЦ. В результате речи патриарха и деятельность некоторых подконтрольных непосредственно ему церковных органов стали как бы его «личным делом».

Однако подобная двойственность помогла РПЦ лишь отчасти. И правительства стран, противостоящих российской агрессии, и, что даже более существенно, некоторые из автономных церквей и зарубежных приходов РПЦ требовали от ее руководства если не осуждения войны, то по крайней мере полного нейтралитета и прекращения пророссийской и провоенной агитации патриарха и его окружения, чего те явно

не могли и не хотели делать. Наоборот, патриарх все более активно требовал от духовенства соучастия в оправдании агрессии. Такое развитие событий уже сейчас привело к продекларированному (но пока не реализованному полностью) уходу из РПЦ двух автономных церквей и явственно обозначило перспективы ухода третьей (Молдавской). Все это в перспективе грозит РПЦ превращением из глобальной церкви в национальную и утратой того положения в православном мире, которое она не просто занимала, но и укрепляла в течение постсоветского периода своей истории.

Современное «мейнстримное» политическое сознание предполагает, что любая крупная религиозная организация должна занимать общественно-политическую позицию и эта позиция должна быть «правильной». Обычно ей трудно принять мысль, что религиозные организации созданы не для реагирования на текущую политическую ситуацию, но ради иных целей, понятных и общих для их постоянных участников, и что наличие таких целей предполагает высокий уровень внутренней толерантности к индивидуальным и групповым политическим взглядам членов общин. В том числе к личным взглядам их руководителей.

Так, достаточно левые взгляды нынешнего папы римского не вызывают в более консервативных католических сообществах стран Африки или Азии серьезных дискуссий о необходимости «отделения» от Ватикана. Но в современной Украине миротворческие и примирительные реплики папы относительно России и Украины на официальном уровне воспринимаются с раздражением. И местным католикам и греко-католикам приходится не только оправдываться, но и осуждать своего духовного руководителя, иначе перед ними открывается перспектива принудительного отсоединения от Ватикана, к чему уже призывают в украинском политическом классе. Высокий уровень координации «Свидетелей Иеговы» не означает, что региональные общины получают из Бруклина инструкции о том, за кого голосовать их членам. Собственно, никто точно и не знает и мало кого интересует, за кого голосуют руководители этой насчитывающей миллионы участников организации. Но в России на официальном уровне «Свидетелей Иеговы» подозревали в шпионаже и каком-то «влиянии» и запретили, а активистов отправили под суд.

К большим «традиционным» церквям европейских государств обычно больше претензий, поскольку считается, что они более влиятельны. При этом игнорируется тот факт, что с 1960-х годов их реальное влияние на общество в целом радикально уменьшилось, а отношения с государством у каждой из церквей разные. А потому представление о возможности инструментального использования государством церкви для достижения политических целей не работает на практике и существует только в умах людей, которые, собственно, в церковь не ходят.

Не являются в этом отношении исключением и руководители постсоветских государств, в первую очередь российского. Ритуальные посещения Путиным некоторых церковных служб или слухи о наличии у него духовника в лице нынешнего крымского митрополита Тихона (Шевкунова) не отменяют его заметной по поведению в храме «нецерковности» и сугубо

формального отношения к исполнению обрядов. Это и объясняет его стремление использовать РПЦ исключительно как инструмент поддержки собственной политики, в качестве сегодняшнего «комиссара». Так, подводя 14 декабря итоги года, Путин, в частности, использовал лжецитату из Бисмарка: [«Войны выигрывают полководцы, а школьные учителя и священники»](#), хотя в ее распространенной и [более близкой к оригиналу версии](#) упоминаются только учителя — очевидно, формула со священниками лучше соответствует путинскому видению программы патриотического воспитания, где систему образования должно дополнять духовенство. Ответом на эти ожидания становится ситуация, когда речи патриарха, всегда готового продемонстрировать поддержку государства, заменяют для телекамер и российского политического класса реальную церковь и ее позицию.

Оценивая же реальную роль РПЦ в войне, следует прежде всего различать политические взгляды самого патриарха и стоящей вокруг него идеологической группы сторонников войны, с одной стороны, и официальную позицию РПЦ как институции, а также взгляды остальных активных участников церковного сообщества — с другой. Также необходимо различать ту часть РПЦ, которая находится в России и отчасти в Беларуси, то есть существует в условиях жесткого авторитарного режима, и прочие ее автономные церкви, зарубежные епархии и приходы, которым не обязательно исполнять директивные предписания российских властей и которым не грозит визит сотрудников ФСБ в случае, например, публичного выражения несогласия с политикой российских властей в отношении Украины.

Кроме того, важно осознавать, что активная часть прихожан РПЦ может расходиться в оценках происходящего не только с точкой зрения официальной Москвы, но и с точкой зрения официального Киева и противиться идее строительства в Украине «политической нации», стремлению украинских властей сделать ее инструментом достижения идеологической гомогенности и репрессивной языковой и религиозной политики. Тем более если принимаемые меры прямо нарушают интересы церковного сообщества и общепризнанные международные и европейские нормы в отношении прав человека и меньшинств. Поэтому осуждение российской агрессии у активной части РПЦ может вполне сочетаться с протестом против последовательного разрыва Киевом двусторонних связей между странами на низовом уровне, прямых репрессивных мер против УПЦ, русскоязычных общественно-политических организаций и декларируемых планов украинизации восточной и южной частей страны.

Каждый священник РПЦ и активная часть прихожан имеют личное отношение к войне и действуют в основном исходя из него, хотя и должны оглядываться на условия пребывания в составе большой структуры, из которой для большинства из них по разным причинам «нет выхода». Очевидно, что в России и Беларуси это отношение во многом формируется пропагандой, особенно через подконтрольное государству телевидение, и в этом отношении и священники, и прихожане мало чем отличаются по своему настрою от основной массы населения. Как и в обществе в целом, среди них найдутся церковные энтузиасты ведения

боевых действий (как, например, Свято-Елизаветинский монастырь в Минске), которым государство и местные власти в России и Беларуси охотно предоставляют площадки для соответствующей агитации. При этом о позиции 90–95% приходов и монастырей, которые не ведут подобной агитации, мы ничего не узнаем, поскольку в отличие от инициатора строительства З-храма или священника, освятившего памятник Сталину, медиа они неинтересны.

Сколько из них — скрытые диссиденты и сторонники Украины, мы не узнаем также, потому что в условиях жесткой авторитарной диктатуры они могут себе позволить тормозить машину государственной пропаганды, но большинство из них не способны пожертвовать собой, участвуя в сопротивлении. Такие, кстати, есть, и о них мы узнаём из сочувствующих таким поступкам медиа. Сколько противников войны и горячих критиков и патриарха Кирилла, и Путина или, наоборот, их искренних сторонников (из числа священников) находятся вне пределов России и Беларуси и не могут открыто выражать свою позицию, опасаясь раз渲ала прихода, гнева епархиального начальства или местных властей (а чаще — всего вместе), подсчитать также совершенно невозможно.

Тем не менее стремительно происходящие отпадения от РПЦ Украинской и Латвийской церквей и отдельных приходов (вроде прихода церкви Николая Мирликийского в Амстердаме, ушедшего в марте 2022 года) показывают, что в РПЦ в целом есть потенциал для стремительных изменений. А уж какими они будут — чаемый многими критиками РПЦ развал или какие-то внутренние перемены, — покажет время. Возможно, она получит какие-то новые крупные пряники от российских властей, но кажется вполне вероятным, что ее потери за пределами Российской территории будут существенно больше ожидаемого в начале войны. Впрочем, то же можно сказать о политическом влиянии и судьбе российского государства в целом.

В любом случае внутреннее единство РПЦ, личная мотивация ее прихожан и священников, связи между отдельными членами церкви и целями общинами в разных странах и локациях, равно как и обособление от Московского патриархата (как административной структуры) групп духовенства и общин внутри нее — куда более устойчивые и важные факторы, определяющие ее идентичность и ее будущее, нежели внешнее политическое и политизированное давление. Вместе с тем это давление, навлеченнное на церковь именно войной, подрывает и грозит обрушить внутрицерковные связи.

Что касается пропагандистского потенциала РПЦ, которым так озабочены политики, то в действительности он выглядит заметно меньшим, нежели, например, потенциал контролируемых российским государством медиа, армейской пропаганды, милитаристской и русско-националистической части российского книгоиздательского сообщества, компьютерных игр, социальных сетей и всей системы образования и воспитания — от детских садов до крупнейших вузов — на контролируемой РФ и Беларусью территории. Но, в отличие от них, РПЦ является централизованной и глобальной организацией с несменяемым и международно известным

лидером, а потому привлекает внимание политического класса и медиа. Так или иначе, РПЦ не избежать своей доли моральной и политической ответственности и за свою деятельность (и бездеятельность) во время войны, и в особенности за публичную поддержку Путина со стороны своего лидера.

Статья основана на многолетних исследованиях православия в постсоветских государствах (прежде всего в России и Украине) и опирается на большое число неформальных, глубинных интервью и полевых экспедиций. В 2018–2022 годах эти исследования проводились на грант Deutsche Forschungsgemeinschaft (DFG). Некоторые первоначальные соображения по поводу поддержки войны в РПЦ и ее конфликта с УПЦ высказаны автором в статье [«Endgültig zerbombt. Die Scheidung der Ukrainischen Orthodoxen Kirche von der Russischen Orthodoxen Kirche»](#).